

ЛАГЕРЬ ДЛЯ СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ В Г. КРИЧЕВЕ И СУДЬБЫ УЗНИКОВ

Политика Германии в годы Великой Отечественной войны по отношению к советским военнопленным реализовывалась посредством разветвленного административного аппарата, который выстраивался в строго иерархическом порядке. Немецко-нацистское руководство создало широкую сеть лагерей для содержания военнопленных.

Лагеря для советских военнопленных являлись неотъемлемой частью нацистского режима. Они выполняли функции изоляции, устрашения и ликвидации военнопленных. Оккупантами была разработана нормативная база, которая регулировала все основные стороны организации лагерного режима и распорядка, внутренней и внешней охраны, мер по предотвращению побегов, а также продовольственного, материально-вещевого и медицинского обеспечения пленных. В каждом стационарном лагере, с его административным аппаратом управления, был четко отлажен механизм руководства военнопленными. Особое внимание при этом уделялось формированию внутренней охраны из числа военнопленных. Непосредственно в самом лагере существовала своя структура власти, иерархия среди военнопленных.

Для советских военнопленных на оккупированной территории Беларуси функционировали следующие лагеря: дулаги – пересыльные лагеря, шталаги – лагеря для рядовых и сержантов, олаги – лагеря для офицеров и сеть армейских сборно-пересыльных пунктов, принимавших пленных непосредственно от воинских частей.

Порядок, в соответствии с которым регламентировалось функционирование лагерей для советских военнопленных на оккупированной территории Беларуси, определялся множеством приказов, директив, распоряжений и предписаний, принимавшихся ОКХ, ОКВ и РСХА и другими ведомствами нацистского аппарата. Главный документ, который регулировал основные правила создания лагерей для военнопленных в Германии и в оккупированных странах, а также регламентировал функционирование нацистского аппарата системы управления лагерями, – приказ «О службе содержания военнопленных по плану “Барбаросса” от 16.06.1941 г.». Данный приказ предусматривал создание лагерей, в которых следовало размещать военнопленных до максимального предела их вместимости [1].

Советские военнопленные рассматривались как идеологические противники рейха, к которым не применялись стандарты международного права в отношении размещения, питания, медицинского обслуживания и физической неприкосновенности военнопленных и не соблюдались нацистской Германией. В лагерях постоянно происходило деление военнопленных на «политически нежелательных», «политически безопасных» и тех, с кем можно было сотрудничать.

В период оккупации Кричевского района на территории поселка рабочих цементного завода был организован лагерь военнопленных и гражданского населения. Он располагался на территории цементного завода, в застекленных промышленных корпусах и двух казарменных постройках. Лагерь обнесли тремя рядами колючей проволоки, а также охраняли лагерь собаками на блоках. В самом цементном заводе был оборудован подвал, куда бросали расстрелянных, а также умерших от голода и болезней советских военнопленных и мирных граждан [2, л. 42–48].

В лагере ежедневно умирали 50–60 человек. Собранные в подвале трупы немцы периодически сжигали в специально оборудованной для этого заводской печи. На работу военнопленных выгоняли палками. Работать заставляли от темна до темна. Они возили на себе воду, лес. Тех, кто был слаб и не мог работать избивали палками, травили собаками, а совершенно обессилевших расстреливали. Особенно в этом усердствовал заместитель начальника лагеря фон Брук.

Врач лазарета для военнопленных в Кричеве Л. А. Атанасян вспоминал в своем дневнике: «17 июля 1942 г. из Орла в Кричев прибыл железнодорожный транспорт раненых военнопленных. В пути состав находился трое суток. В Орле на двоих раненых выдали по буханке хлеба, поместили в товарные вагоны, в которых, невзирая на жару, закрыли двери и люки. В пути следования вагонные двери не отворялись ни разу. Для отправления естественных надобностей в вагоны были внесены большие чугунные баки, которые по мере наполнения выплескивали свое содержимое на пол и на лежащих поблизости от них раненых. Когда состав прибыл в Кричев, из вагонов выползали пленные, истомленные жарой, с сухими, потрескавшимися от жажды губами, ввалившимися глазами. Жуткая картина представилась встречавшим его врачам

и санитарам: после того как открыли двери, подойти к составу в первые минуты было нельзя из-за ужасного смрада, несущегося из вагонов. Немцы пристреливали в вагонах всех, кто не смог сойти на землю ногами. Из многих вагонов были извлечены трупы» [3].

Не менее важным в проблеме выживания военнопленных являлось и их медицинское обеспечение. В вопросах медицинского обеспечения военнопленных коменданты лагерей руководствовались предписаниями начальника управления по делам военнопленных при ставке генерала Рейнеке по организации санитарной службы в лагерях для военнопленных. Организация и руководство санитарной службой должны были осуществляться немецкими врачами, а непосредственное обслуживание военнопленных – русскими врачами из числа пленных либо гражданского населения. Обращение с ранеными военнопленными нашло отражение в документах об обращении с «ненужными на войне» пленными. Данная категория пленных в немецких документах определялась, как «unheilbar krank» («неизлечимо больные»), или на языке СД – «unbrauchbar» («непригодные, бесполезные»). С ранеными военнопленными поступали в зависимости от состояния раненого, воинского звания, обстановки, индивидуальных решений немецкого командования. Чаще всего тяжелораненых пристреливали на месте, однако в первый год войны имели место случаи, когда раненых и инвалидов после тщательной проверки немецкая администрация передавала гражданскому населению, когда в связи с наступлением зимы ситуация с продовольственным обеспечением особенно обострилась. Многие его узники мечтали попасть в медицинский пункт. Советские врачи Алексей Макаров, Семен Алтаев, Сергей Чистихин, Владимир Киселев на свой риск и страх организовали этот пункт и помогали людям, как могли.

По воспоминаниям одного из узников лагеря В. М. Томникова, «лечащий персонал в лагере был из числа тех же военнопленных под командованием немецкого врача, который заходил в госпиталь раз в неделю. Врачи не только лечили наших воинов, но и спасали их от голодной смерти. С большим риском для себя, они умышленно задерживали выписку выздоравливающих. Через врачей узники лагерей получали более точную информацию о положении на фронте, о политической обстановке. За время трехмесячного пребывания в госпитале я встречался и с другими медицинскими работниками. Там я познакомился с молодым хирургом Семеном Васильевичем Алтаевым. Главным врачом был Сергей Григорьевич Чистихин, 23 февраля был переведен в госпиталь для легкобольных работать в качестве санитара» [4, с. 48–49].

В лагере хирургом работал врач Семен Алтаев. Он родился в селе Толодой Иркутской области в 1914 году. В 1940 году получил диплом врача, призван в Красную армию. Служил в городе Балахна Горьковской области военврачом саперного батальона. В начале войны батальон был окружен и разбит в районе города Кричев. Попал в лагерь военнопленных, расположенный в Кричевском цементном заводе. Оказывал медпомощь раненым военнопленным. В августе 1943 года Семен Алтаев попал в лагерь города

Зорая. После демобилизации С. В. Алтаев работал в медицинских учреждениях г. Москвы, специализируясь как врач-хирург. Он защитил диссертацию на степень кандидата медицинских наук по одной из проблем врачебно-хирургического дела. В последние десятилетия своей трудовой деятельности С. В. Алтаев работал хирургом в знаменитой Боткинской больнице г. Москвы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Armeebefehl Barbarossa Nr. 3, 29.06.1941 // Bundesarchiv-Militararchiv Freiburg (BA-MA). – RH 26-45/22.
2. Из акта Кричевской городской комиссии ЧГК об истреблении гитлеровцами мирного населения и военнопленных в г. Кричеве и его окрестностях (29 ноября 1944 г.) // НАРБ. – Ф. 1363. Оп. 1. Д. 694. Л. 42–48.
3. Воспоминания бывшего военнопленного Л. А. Атанасяна // Кричевский историко-краеведческий музей. – К/п № 104.
4. *Болдовский, А.* «Цементная каторга» / А. Болдовский // Могилёвский поисковый вестник ; ред. сост. Н. С. Борисенко. – Могилёв, 2018. – С. 46–55.